

REFERENCES

1. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka / Pod red. prof. I. A. Bodujena de Kurtenje: V 4 t. M.: Tsitadel', 1998. T. 1. 944 s.; T. 2. 1024 s.; T. 3. 896 s.; T. 4. 832 s.
2. *Kozhevnikova N. A.* Slovoупotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka. M., 1986. 251 s.
3. *Nikul'tseva V. V.* Neoleksikon A. Bloka v сопоставlenii s drugimi poetami jeho epohi // Shahmatovskij vestnik. Vyp. 12. Biografija kak istochnik i kontekst tvorchestva A. Bloka: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvjashchjonnj 130-letiju so dnja rozhdenija poeta (10–12 oktjabrja 2010) / Otv. red. I. S. Prihod'ko; IMLI RAN; Nauch. совет RAN «Istorija mirovoj kul'tury»; Istoriko-literaturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik A.A. Bloka. M.: IMLI RAN, 2011. S. 324–338.
4. *Nikul'tseva V. V.* Slovar' neologizmov Igorja Severjanina / IRJA im. V. V. Vinogradova RAN / Pod red. prof. V. V. Lopatina. M.: OOO «Azbukovnik», 2008. 380 s.
5. *Prihod'ko I.* Simvolistskij slovar' A. Bloka // Hudozhestvennyj tekst kak dinamicheskaja sistema: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsi, posvjashchennj 80-letiju V. P. Grigor'eva / IRJA RAN, 19–22 maja 2005 goda. M., 2006. S. 328–337.
6. Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t. / AN SSSR. In-t rus. jaz. / Pod red. R. P. Rogozhnikovoj. M., 1991. T. 1. 800 s.; T. 2. 739 s.
7. Slovar' pojeticheskogo jazyka Mariny Tsvetaevoj: V 4 t. (6 kn.) / Sost. I. Ju. Beljakova, I. P. Olovjannikova, O. G. Revzina / Pod red. O. G. Revzinoj. M.: Dom-muzej Mariny Tsvetaevoj, 1996–2004.
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t. M.; L., 1948–1965.
9. *Uluhanov I. S.* Edinitsy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka i ih leksicheskaja realizatsija / RAN. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova. M., 1996. 221 s.
10. *Hardzhiev N. I.* Stat'i ob avangarde: V 2 t. T. 2. M.: RA, 1997. T. 2. 314 s.
11. *Shanskij N. M.* Oчерki po russkomu slovoobrazovaniju. Izd. 2-e, dop. M.: URSS, 2005. 332 s.
12. Entsiklopedicheskij slovar' / Pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron: V 41 t. i dop. SPb., 1890–1907.

A. П. Склизкова

«ПРАЗДНИК ПРИМИРЕНИЯ» Г. ГАУПТМАНА. К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

Одним из ведущих принципов философии жизни на рубеже XIX–XX века является идея становления, связанная с развитием мира и человека. Она господствует в драме Гауптмана «Праздник примирения». Члены семьи Штольцев обладают рессентиментным характером, вносят и в свою судьбу, и в судьбу мира раскол и распад. Младший сын Штольцев Вильгельм и его возлюбленная Ида заключают монистический союз любви и смерти, способствуют восстановлению нарушенной мировой гармонии.

Ключевые слова: философия жизни, эридика, рессентимент, монизм, полярность, воля, свобода.

A. Sklizkova

Hauptman's Drama «The Holiday of Reconciliation». The Problem of Philosophy of Life

One of the leading principles of the Philosophy of Life at the edge of the XIX–XX centuries was the idea of the formation connected with the global development of the world and the human being. It is widely reflected in Hauptman's drama «The Holiday of Reconciliation». The members of the Stolts' family possess resentimental character, the result of which is disunity, decay, decline and fall in their fates and in their world. The younger son Wilgelm together with his

girl Ida try to save the situation by concluding a monistic union of Love and Death which helps to restore, to renew the broken harmony of the world.

Keywords: the Philosophy of Life, eristic, resentment, monism, polarity, will, freedom.

«Праздник примирения» — второе произведение Гауптмана — было напечатано в журнале «Свободная сцена» в 1890 году и поставлено в театре «Свободная сцена». В пьесе речь идёт о разладе в семье Штольцев, о ссорах, возникающих по самому ничтожному поводу. Госпоже Бюхнер и её дочери Иде удаётся на время восстановить мир и покой, но с таким трудом налаженные отношения внезапно рушатся, отец — доктор Штольц — умирает, старший сын Роберт навсегда уходит из дому, мать — госпожа Штольц — внутренне сломлена. Лишь Ида и младший сын Штольцев Вильгельм пытаются построить свою будущую жизнь на иных началах. Предполагается, что им это удастся.

В русском литературоведении обращалось внимание на влияние Ибсена [14, с. 30], Стриндберга [13, с. 54], говорилось о ведущей в этой драме идее наследственности [9, с. 5]. Немецкие исследователи, указывая на связь с «Привидениями» Ибсена и «Отцом» Стриндберга [34, s. 16–18], подчёркивая душевную болезнь, которая поразила всех членов семьи Штольцев [21, s. 46], выделяли в то же время мотив преодоления страданий [23, s. 20], связывали с песней Иды (она поёт о весне, о счастье, о любви) идею обновления души [34, s. 212]. В современном литературоведении идея наследственности не считается ведущей в «Празднике примирения», анализу подлежат выводы драматурга о неповторимости и своеобразии каждого человека [32, s. 79].

Творения Г. Гауптмана всегда были предметом разнообразных толкований. Шеллинг, исследуя философию искусства, подчёркивал, что каждое истинное — гениальное — произведение художника-творца исчерпать невозможно. Шеллинг называет подобную невозможность бессознательной бесконечностью, которую истинный худож-

ник инстинктивно вкладывает в своё творение [17, с. 78]. Вероятно, если рассмотреть «Праздник примирения» Гауптмана с точки зрения философии жизни, столь популярной во времена драматурга, то можно будет ответить на некоторые вопросы, которые возникают сейчас в гауптмановедении. Они связаны с выяснением внутренних истоков семейной катастрофы Штольцев, их примирения, которое, правда, оказалось возможным лишь на короткое время.

Гауптман неоднократно подчёркивал, что его произведения составляют единый, комплексный, духовный организм, каждая драма является частью целого [28, s. 209]. Предмет мирозерцания Гауптмана — миропорядок, предмет природозерцания — человек. Понятия микро- и макрокосма осознаются в драме «Праздник примирения» тем отчётливее, чем сильнее звучит философия жизни. Подобным образом может быть определена вся философия, однако первым, кто определил предмет философии жизни — это внутренняя жизнь человека, его природная суть, был Фр. Шлегель [19, с. 336, 337]. Ещё раньше три великих метафизика до Канта — Декарт, Спиноза и Лейбниц — выводили жизненные истины из созерцания природы вещей и из созерцания собственного духа. Декарт объяснял жизнь нерушимой связью духа и тела, Спиноза одушевляет всю вселенную, рассматривает мир как произведённую божественную природу, для Лейбница вся природа предстаёт в развитии, это и есть жизнь, в которой отсутствует возникновение и уничтожение, только грандиозные метаморфозы — состояния, которые традиционно называются рождением и смертью. Практически вся философия связывает глобальное представление о сущности жизни с вечно развивающейся природой, философия жизни — это философия природы — философия раз-

вития. Между тем на рубеже XIX — начала XX века задачи философии жизни несколько изменились. В. Дильтей говорит, как сейчас важно показать полноту переживаний жизни, выделить идею внутренней Гётерогенности [8, с. 581]. В. Виндельбанд указывает, что в XVIII–XIX веке философские системы отражали содержание жизни, сейчас необходимо создать ощущение чувства жизни. Для Э. фон Гартмана смысл философии жизни заключается в интуитивном следовании воле бессознательного [2, с. 261]. Натуралисты, пытаясь пристально всмотреться в окружающую природу и заглянуть в глубь человеческой души, считали, что прежним философским системам не хватало мыслей об обновлении жизни [24, с. 23]. Хиллебрант, утверждая, что натурализм представляет собой новый взгляд на природу человеческой личности, видит ведущий принцип философии жизни в идее становления [31, с. 40]. К. Альберти, в согласии с теорией Гартмана, выявляет у природы бессознательные законы, нечто таинственное господствует в природе, следовательно, во всей жизни [20, с. 51, 53]. Итак, на рубеже веков философия жизни связывается в целом с идеей становления, обновления, бесконечного рождения природы. Однако для подобного становления необходимо слияние амбивалентных начал, тех противоположностей, из которых, как правило, состоит жизнь.

Г. Гауптман связывает противоположности с Эристикой. Эристика является для него важнейшей частью философии жизни, без Эристики, считает Гауптман, не может вершиться ни один природный процесс. Известно, что Эристика — искусство ведения спора — была развита в древней мегарской школе, представители которой назывались эристиками. Гауптман переосмысливает античное понятие и представляет Эристику и как драматическую категорию, и как важнейшую категорию жизни. Эристика — это, по Гауптману, внутренние борения человека, его жизнь, его развитие. Драматический

герой поэтому эристически продумывает мысли, эристически осмысливает бытие [25, с. 618]. Эристика ломает всё существование, рушит жизненные устои, но одновременно способствует формированию нового сознания [28, с. 19].

Без Эристики, считает Гауптман, нет жизни, нет развития, нет природы. Вселенная бессмертна, основу её бессмертия составляет вечное соединение противоположностей. Фихте говорил о стремлении противоположностей к единению, тогда в них открываются новые противоположности [16, с. 53]. Данную мысль развивает Шеллинг, в «Философии природы» он выявляет закон развития мира — это полярность [17, с. 56]. В дальнейшем И. Ф. Герbart ведёт речь о различных сущностях — монадах, доминирующими элементами которых являются качественные противоположности [5, с. 58]. Гегель сходным образом выводит принцип тождества из противоположностей. Гауптман, называя противоположности Эристикой, подчёркивает, что в ней заложен принцип мира и принцип человека. Поэтому сам драматический жанр наполняется философским содержанием, эристически осмысливается, эристически воспринимается.

Жанр «Праздника примирения» Гауптман определяет как семейную катастрофу. Подобного жанра не было раньше. Лессинг, с именем которого связывается реформа немецкой драмы, создаёт мещанскую трагедию, считая необходимым показать в ней домашнюю и семейную среду. Мещанская трагедия Лессинга становится семейной драмой. Такова его «Мисс Сара Сампсон». Ф. Шиллер вслед за Лессингом определяет «Коварство и любовь» как мещанскую трагедию. Жанр складывался на основе поэтической революции, которая базировалась не на прежней сословной поэзии, а на новой общечеловеческой. Сфера быта третьего сословия, глубокие душевные переживания оказываются не менее интересными, чем прежние высокие деяния королей. В дальнейшем Ф. Геббель в 1843 году по-своему

разрабатывает жанр мещанской трагедии в «Марии Магдалине», показав несчастных людей, разум и мораль которых наглухо заточены в каменных стенах быта [11, с. 33]. Для Гауптмана семья является частью вселенной, извечным творением природы, в которой, с его точки зрения, властвует единый закон — гуманности, любви и доброты. Природа возвращает в людях семена человечности. Такие же принципы должны господствовать в семье, каждый член которой является носителем космической судьбы [26, s. 337]. В этом состоит, по Гауптману, общая мировая гармония. Она нарушается, происходит самое страшное — разрыв семьи, что равносильно расколу всей вселенной. Разрушительную силу семейных союзов Гауптман уподобляет силе центрифуги [26, s. 329], она воздействует на общемировые внутренние силы, нарушая тем самым тот устойчивый миропорядок, в котором соединяются воедино микро- и макрокосм. Семейная катастрофа должна превратиться в праздник примирения. Две противоположности, две крайности обязаны соединиться.

С самых первых страниц драмы Гауптман достаточно чётко выявляет противоположности, которые причудливым образом соединяются и разъединяются. Подобные процессы соединения-разъединения обозримы как во внешней структуре действия, так и во внутренней сути человеческих отношений. Так, госпожа Штольц рассказывает госпоже Бюхнер, что её муж жил наверху, а все остальные — внизу, Роберт — старший сын — говорит той же госпоже Бюхнер о полном развале их семьи, о вечных ссорах, криках, мать срывала скатерть со стола, отец бил графины, между ними никогда не было и следа любви, взаимопонимания. Вильгельм не был дома шесть лет, при виде родных стен ему хочется убежать, он вспоминает ненависть, злобу, подобные чувства невольно охватывают его самого, родители дали ему жизнь и портили её.

Душа каждого члена семьи Штольцев отравлена злобой, ненавистью, завистью. Создаётся впечатление, что они ненавидят друг друга, объаты ресентиментом. О ресентиментном характере писал М. Шелер, подчёркивая, что источник ресентимента открыл Ф. Ницше в «Генеалогии морали». Ресентимент — это глубина негативных переживаний, отравление души. Он внутренне ядовит, поскольку отрицательные эмоции затаиваются, а потом проявляются с небывалой силой. Ресентиментным характером, как правило, наделён человек со слабой волей, поскольку он внутренне допускает, чтобы его душа медленно отравлялась, намеренно игнорирует позитивные ценности [18, с. 13, 18, 45]. Действительно, таковыми кажутся все Штольцы. Возникает незримый, но осязаемый центр их семьи — жизнь в ненависти, во вражде, в раздоре. Но есть и другой центр, который, напротив, видится, реально предстаёт взорам каждого. Это рождественская ёлка. Два полярных центра: один — осязаем, другой — обзриваем, в ресентиментной жизни — сплошной негатив, в праздничной ёлке — позитив. Ёлку никогда не ставили раньше, господин Штольц не любил её, Роберт — презирал. Сейчас впервые в семье Штольцев празднуется рождество. На этом настояла госпожа Бюхнер, которая с дочерью Идой гостит у Штольцев. Они ждут приезда Вильгельма, который отныне, благодаря влиянию Иды и госпоже Бюхнер, хочет жить в мире со своей семьёй. Ёлка невольно притягивает взоры всех, изменяет чувства людей, восстанавливает мир и долгожданный покой.

Кажется, что небывалое (праздник примирения) вполне может состояться. Этому способствует и неожиданное появление самого доктора Штольца. Он, подобно своим детям, смотрит на ёлку, которая заставляет его внутренне смягчиться, отречься от прежней ресентиментной основы, склониться в сторону позитивного центра. Интересна в этом плане реплика госпожи Бюхнер: она уверена, что приход доктора

Штольца не может быть случайностью. Подобная случайность в русском переводе звучит как судьба. Однако первое значение немецкого слова «die Fügung» — связь, соединение («Das kann kein Zufall sein, das ist Fügung»), то, на чём основывалась монистическая концепция бытия. Монизм в расширенном значении всеединства «интерферирует с философией жизни, выступая как общее мировоззрение эпохи модернизма», «идея жизни становится тем семантическим ядром, вокруг которого формируются различные варианты монистического мировоззрения» [6, с. 48, 49]. Известно, что Гауптман был членом монистического кружка «Грядущее», слушал лекции Э. Геккеля, чьё монистическое мировоззрение как вероисповедание испытателя [4, с. 2] оказалось чрезвычайно близко немецкому драматургу. Гауптман был знаком с выводами Э. фон Гарманна о монизме. Он выделял философские монистические системы прошлого (единая субстанция Спинозы, монады Лейбница, Я Фихте, субъективный идеализм Шеллинга, воля Шопенгауэра), подчёркивал в них высочайшее мистическое чувство [3, с. 145]. Гауптман овладевает философскими истинами прошлого и настоящего, творчески их перерабатывает и создаёт свою собственную систему понятий. Монизм мыслится Гауптманом как нечто иррациональное, как некая благотворная сила, посредством которой сглаживаются все противоречия, эристические внутренние борения сходят на нет. Возникает грандиозная метаморфоза, вершится всеобщий процесс становления: темнота сменяется светом, ненависть оборачивается любовью, зло становится добром, семейная катастрофа оказывается праздником примирения.

Вильгельм и его отец не виделись несколько лет, оба в страшном гневе друг на друга и на весь мир покинули дом, непредвиденная встреча их должна быть в высшей мере мучительной. Однако происходит иное. Вильгельм при виде отца не может

ничего сказать, падает, что-то беззвучно шепчет. Доктор Штольц, потрясённый не меньше сына, старается поднять его, ласково называет «мальчик мой». Раскрывается тайна семьи Штольцев, монистическая тайна. Оказывается, все они любят друг друга, любовь становится той связью, которая не позволяет им окончательно расстаться, несмотря ни на какие страшные ситуации, неоднократно возникающие у них в семье. Недаром Роберт делает открытие и делится им с Вильгельмом — отец безгранично добрый, он всегда их любил. Это чувство ожило в них теперь, значит, оно было и прежде.

Процесс становления и обновления, столь весомый в философии жизни рубежа веков, затрагивает и структуру драмы. Внутри неё вершится грандиозная метаморфоза. А. Хольц говорил о необходимости отражать в искусстве ежесекундные изменения природы [33, с. 295], И. Шлаф разрабатывает концепцию интимного театра, в котором надо показывать внутренние происшествия [35, с. 302]. О. Брам, утверждая новый стиль актёрской игры, выдвигает на передний план «разговор жизни», в котором изображаются мысли, а само действие определяется внутренним состоянием души [22, с. 278]. Г. Гауптман, принимая новую драматическую технику, обогащает её чрезвычайно важным поэтическим приёмом — особой передачей жестов рук. Гауптман писал, что тот, кто хочет составить представление об истинно трагическом начале, должен посмотреть на руки людей портретов Рембранта [30, с. 20]. Движения рук у героев Гауптмана создают особый подтекст, благодаря которому молчаливо раскрываются сложные душевные переживания. Так, Вильгельм при виде отца сначала проводит рукой по волосам, потом делает такие движения, будто играет на рояле, в итоге подходит к отцу и складывает руки к его ногам. В движении рук раскрывается тайна Вильгельма, тайна бессознательная. Вильгельм всегда любил отца, страдал от непонимания между ними, жаждал похвалы своим музы-

кальным талантам именно от отца. Теперь Вильгельм, молчаливо умоляя о прощении, как бы преподносит отцу в дар себя самого.

Праздник примирения состоялся, Гауптман красочно описывает подобное торжество — все сидят за праздничным столом, дарят подарки, Ида поёт рождественскую песню. Позитивные ценности доминируют, прошлая ресентиментная составляющая Штольцев канула в небытие. Гауптман неоднократно писал о необходимости примирения, считал, что такой праздник должен охватить всех, видел в этом жизненную необходимость, поскольку в душах воцаряется блаженство вместо отчаяния [29, s. 372]. Всегда есть, за что прощать, это надо делать обязательно. Никаких обвинений! Никаких осуждений! Прощать надо даже тогда, когда нечего прощать [26, s. 419, 421].

Между тем столь чудесным и неожиданным образом обрётённое согласие внезапно нарушается. Роберт отказывается принять от Иды рождественский подарок — новую трубку. Штольцы не понимают, зачем Роберт испортил девушке праздник. Отец кричит, что Роберт должен уйти, госпожа Штольц рыдает, осознавая, что её надежды на счастье в кругу семьи окончательно рухнули, Вильгельм грубо разговаривает с братом, жёсток с сестрой Августой. Праздник примирения вновь оборачивается семейной катастрофой. Круг замкнулся, семья Штольцев вернулась к своему первоначальному внутреннему центру — жизни в ненависти, вражде, к той ресентиментной основе, которая казалась навеки утраченной. Философия жизни, главная задача которой обновление, представляется бессмысленной. Однако это не совсем так. Доминирующей оказывается не столько идея обновления, сколько становления, что столь поэтически представлено в драме Гауптмана.

Подобное представление связано с этической позицией писателя. Жизнь — высокая доброта, это первый ведущий постулат Гауптмана [29, s. 200]. Второй отчасти связан с первым, но носит более частный, лич-

ный, интимный характер. «Мои оковы, как оковы Прометея — это любовь к человечеству», — пишет Гауптман [25, s. 536]. На этих двух постулатах базируется всё творчество Гауптмана, не является исключением и его вторая пьеса. В ней Гауптман применяет экспериментальный метод, тот, который был столь почитаем в естественных науках его времени, тот, который рекомендовал вводить в литературу Э. Золя. Однако эксперимент Гауптмана — иного свойства, он заключается в своеобразной проверке философских систем прошлого, в проверке любовью и добротой.

Известно, что практически во всех философских системах говорится о необходимости подавления аффектов. Декарт предлагает обуздывать страсти мудростью [7, с.309], Спиноза — ясным мышлением [15, с. 470], Лейбниц — неустанной работой над собой [12, с. 312], Кант выдвигает понятие нравственного императива [10, с. 43], Фихте — совести [16, с. 54]. Ведётся речь о свободе, таковым становится человек, когда он освобождается от эгоизма, от негативных эмоций. Одно из доминирующих понятий Канта — дряблая воля [10, с. 67]. Воля должна быть сильной, если она не является таковой, то её нужно воспитать. Что касается отрицателя жизни, одинокого мыслителя — так называет Г. Брандес А. Шопенгауэра [1, с. 275] — то его понятие воли тоже предполагает необходимость стремления, стремления к состраданию человечеству, поскольку оно находится под властью безжалостной мировой воли. Г. Гауптман в отношении воли, стремления, свободы не придерживается определённой позиции, сомневается в их правильности и нужности. Немецкий драматург создаёт свою индивидуальную религию — доброты и милосердия, считая, что таковая отсутствует в официальных церковных догматах [25, s. 491].

Так, вначале госпожа Бюхнер считает, что люди должны вырабатывать в себе сильную, честную волю, тогда они будут детерминированы к добру. Однако в даль-

нейшем она признаёт свою неправоту. Ей стыдно, что она считала себя способной на основании одних благих намерений управлять человеческими натурами, влиять на их судьбы, она называет себя слабым человеком. Иными словами, раньше госпожа Бюхнер была уверена в том, о чём говорила этика немецкой философии, но сомневается в правомерности своих прежних постулатов. Что касается Вильгельма, то он также ни в чём не уверен, хотя говорит Роберту, что надо работать над собой, стараться изменить свой характер. В последнем действии нет центра, ни позитивного, ни негативного, нет света — ни внешнего (свечей на ёлке), ни внутреннего (устойчивых убеждений). Оно проходит как бы под знаком отрицания, но именно в нём заложены те противоположности, которым в итоге суждено причудливо объединиться. Это любовь, с одной стороны, смерть — с другой. Монистический союз любви и смерти оказывается истинным праздником примирения.

Ида говорит Вильгельму, что проходят тёмные дни, потом будут светлые, нельзя

потерять мужества. Они должны быть вместе несмотря ни на что, обнимутся и никогда не отпустят друг друга, когда же наступит неизбежный час расставания, то уйдут вместе. Их взаимное чувство, бессознательная уверенность Иды, что всё будет хорошо, является сильнейшим противовесом тому, что оказалось бесполезным — сильной воле, работе над своим ресентиментным характером, абстрактным рассуждениям о нравственности. Вильгельм и Ида, не желая расставаться в смерти, идут рука об руку навстречу ей — в ту комнату, в которой покоится сейчас столь долго страдавший господин Штольц. Гауптман называл союз любви и смерти прекрасным трагическим временем, именно в нём заключается истинное развитие, обновление, становление [29, s. 216].

Добровольно налагая на себя оковы Прометея, определяя жизнь как высокую доброту, Гауптман именно с этих позиций предлагает осмыслить то, что поддаётся осмыслению лишь интуитивно — любовь и смерть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брандес Г. Литературные характеристики // Собрание сочинений. Т. 12. СПб, 1905. 392 с.
2. Виндельбанд В. Философия в немецкой жизни XIX столетия. М.: Звено, 1910. 150 с.
3. Гартман Э. Философия бессознательного. М., 1873. 330 с.
4. Геккель Э. Монизм или связь между философией и наукой. СПб., 1907. 41 с.
5. Герbart И. Ф. Психология. М., 2007. 283 с.
6. Жеребин А. И. Австрийская литература и теория психофизического монизма // Филологический журнал. 2005. № 1. 295 с.
7. Декарт Р. Сочинения. М.: Мысль, 1989. 335 с.
8. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. М., 2001. 531 с.
9. Измайлов А. А. Г. Гауптман // Предисловие к собранию сочинений Г. Гауптмана. СПб., 1908. 525 с.
10. Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо. 2009. 735 с.
11. Карельский А. В. Ф. Геббель // Предисловие к собранию сочинений Ф. Геббеля. М.: Искусство, 1978. 639 с.
12. Лейбниц Г. Монадология. М.: Мысль, 1982. 430 с.
13. Мандель Е. М. Гауптман и прогрессивные традиции немецкой философской мысли // Проблемы реализма XIX–XX века. Саратов, 1973. 200 с.
14. Сильман Т. Г. Гауптман. М.; Л.: Искусство, 1958. 122 с.
15. Спиноза Б. Сочинения. СПб.: Наука, 1999. 489 с.
16. Фихте И. Г. Сочинения. М.: Ладомир, 1995. 475 с.
17. Шеллинг Ф. Идеи к философии природы. СПб.: Наука, 1998. 518 с.
18. Шелер М. Ресентимент в структуре морали. СПб.: Наука, 1999. 230 с.
19. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М.: Искусство, 1983. 447 с.

20. *Alberti C.* Die zwölf Artikel des Realismus. // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
21. *Bab J.* Die Chronik des deutschen Dramas. Berlin, 1980. 200 s.
22. *Brahm O.* Der Naturalismus und das Theater // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
23. *Guthke K.* Hauptmann. München, 1980. 230 s.
24. *Hart J.* Graf Schack als Dichter // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
25. *Hauptmann G.* Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimar, 1980. 900 s.
26. *Hauptmann G.* Das Buch des Leidenschaft. Berlin, 1962. 450 s.
27. *Hauptmann G.* Das Friedenfest // Hauptmann Dramen. Berlin und Weimar, 1976. 516 s.
28. *Hauptmann G.* Die Kunst des Dramas. Berlin, 1963. 246 s.
29. *Hauptmann G.* Tagebücher 1897–1905. Frankfurt am Main, 1978. 790 s.
30. *Hauptmann G.* Tintoretto. Berlin, 1942. 200 s.
31. *Hillebrand L.* Naturalismus schlechtweg! // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
32. *Hoefert S. G.* Hauptmann. Stuttgart, 1982. 234 s.
33. *Holz A.* Zola als Theoretiker // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
34. *Lemke E. G.* Hauptmann. Leipzig, 1923. 411 s.
35. *Schlaf J.* Vom intimen Drama // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur. Stuttgart, 1978. 890 s.

REFERENCES

1. *Brandes G.* Literaturnye harakteristiki // Sobranie sochinenij. T.12. SPb., 1905. 392 s.
2. *Vindel'band V.* Filosofija v nemetskoj zhizni XIX stoletija. M.: Zveno, 1910. 150 s.
3. *Gartman E.* Filosofija bessoznatel'nogo. M., 1873. 330 s.
4. *Gekkel' E.* Monizm ili svjaz' mezhdu filosofiej i naukoj. SPb., 1907. 41 s.
5. *Gerbart F.* Psihologija. M., 2007. 283 s.
6. *Zherebin A. I.* Avstrijskaja literatura i teorija psihofizicheskogo monizma // Filologicheskij zhurnal. 2005. № 1. 295 s.
7. *Dekart R.* Sochinenija. M.: Mysl', 1989. 335 s.
8. *Dil'tej V.* Germenevtika i teorija literatury. M., 2001. 531 s.
9. *Izmajlov A. A. G.* Gaupman // Predislovie k sobraniju sochinenij G. Gaupmana. SPb., 1908. 525 s.
10. *Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma. M.: Eksmo. 2009. 735 s.
11. *Karel'skij A. V. F.* Gebbel' // Predislovie k sobraniju sochinenij F. Gebbelja. M.: Iskusstvo, 1978. 639 s.
12. *Lejbnits G.* Monadologija. M.: Mysl', 1982. 430 s.
13. *Mandel' E. M.* Gaupman i progressivnye tradicii nemeckoj filosofskoj mysli // Problemy realizma XIX–XX veka. Saratov, 1973. 200 s.
14. *Sil'man T. G.* Gaupman. M.; L.: Iskusstvo, 1958. 122 s.
15. *Spinoza B.* Sochinenija. SPb.: Nauka, 1999. 489 s.
16. *Fihite I. G.* Sochinenija. M.: Lodomir, 1995. 475 s.
17. *Shelling F.* Idei k filosofii prirody. SPb.: Nauka, 1998. 518 s.
18. *Sheler M.* Resentiment v strukture morali. SPb.: Nauka, 1999. 230 s.
19. *Shlegel' F.* Estetika. Filosofija. Kritika. M.: Iskusstvo, 1983. 447 s.
20. *Alberti C.* Die zwölf Artikel des Realismus // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
21. *Bab J.* Die Chronik des deutschen Dramas. Berlin, 1980. 200 s.
22. *Brahm O.* Der Naturalismus und das Theater. // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
23. *Guthke K.* Hauptmann. München, 1980. 230 s.
24. *Hart J.* Graf Schack als Dichter // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.

25. Hauptmann G. Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimar, 1980. 900 s.
26. Hauptmann G. Das Buch der Leidenschaft. Berlin, 1962. 450 s.
27. Hauptmann G. Das Friedenfest // Hauptmann Dramen. Berlin und Weimar, 1976. 516 s.
28. Hauptmann G. Die Kunst des Dramas. Berlin, 1963. 246 s.
29. Hauptmann G. Tagebücher 1897–1905. Frankfurt am Main, 1978. 790 s.
30. Hauptmann G. Tintoretto. Berlin, 1942. 200 s.
31. Hillebrand L. Naturalismus schlechtweg! // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
32. Hoefert S. G. Hauptmann. Stuttgart, 1982. 234 s.
33. Holz A. Zola als Theoretiker. // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. 890 s.
34. Lemke E. G. Hauptmann. Leipzig, 1923. 411 s.
35. Schlaf J. Vom intimen Drama // Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur. Stuttgart, 1978. 890 s.

Е. А. Третьякова

**ПЕРЕВОД В ДИАХРОНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭМЫ
ДЖ. МИЛЬТОНА "PARADISE LOST")**

Предпринята попытка анализа разновременных переводов (XVIII–XX вв.) эпической поэмы Дж. Мильтона "Paradise Lost" на русский язык с целью выявления основных тенденций развития переводческой мысли через рассмотрение способов работы переводчиков с оригинальным текстом, применяемых ими трансформаций и реализуемых стратегий.

Ключевые слова: Милтон, «Потерянный рай», перевод, диахрония, трансформация.

Е. Tretyakova

**Translation in Diachrony
(J. Milton's *Paradise Lost* in Russian Translations of Various Periods)**

The purpose of the article is to analyze Russian translations of J. Milton's epic poem Paradise Lost. Numerous translations of the poem were made at different times (in the 18-20th centuries) and can vividly demonstrate the basic trends in the development of the translator's thought through the features of text perception as well as the implemented transformations and translation strategies.

Keywords: Milton, *Paradise Lost*, translation, diachrony, transformation.

В отечественной лингвистике анализ разновременных переводов одного и того же произведения традиционно ориентирован на выявление эволюционных особенностей переводящего языка: как правило, при этом рассматриваются лексико-семантические, морфологические, синтаксические, стилистические и прочие характеристики

переводных текстов и делаются выводы об основных тенденциях развития русского языка в тот или иной период (см. работы Ю. С. Сорокина, В. В. Виноградова, Э. С. Максудовой, Е. М. Иссерлин, Ю. Д. Левина и т. п.). При этом практически не используется переводоведческий подход к диахронической проблематике, не анализируется